

Муфтий Москвы и Чувашии о том, реально ли объединить исламскую умму и может ли Казань стать одной из религиозных столиц России

«Общенациональный лидер у нас — Владимир Владимирович, а татарский Рустам Нургалиевич», — считает председатель ЦРО «Московский муфтият» Альбир Крганов. В ходе интернет-конференции «БИЗНЕС Online» он рассказал, как летал с Путиным в Чечню и почему теряет дух Болгар.

«БОЛГАР ВОЗРОЖДАЕТСЯ, НО ТЕРЯЕТСЯ ЕГО ДРЕВНИЙ ДУХ»

— Альбир хазрат, предлагаю разговор начать с актуального: «Изге Болгар жыены» обычно проводилось 12 июня, а в этом году состоится 21 мая. Почему сместили?

— Если посмотреть точную дату по мусульманскому летоисчислению, когда принимали наши предки ислам и когда багдадская делегация дошла до Болгара, она как раз приходится на 21 мая. Поэтому было принято решение, что «Изге Болгар жыены» мы будем проводить в мае, тем более законом Татарстана это уже подкреплено.

А вообще говоря, это не первый год, а сколько себя помню, с 1988 года, когда я еще жил в Чувашии, в селе Шыгырдан, все время наши аксакалы организовывали групповую поездку в Болгар. Помню свою первую поездку: Батыревская ПМК выделила автобус на высоком шасси, и деревенские бабаи и бабушки, которым было почти под 90 лет, вместе туда поехали. Хотя мы каждый год в Болгаре принимаем участие в мероприятии, но те глаза, те ощущения, которые я наблюдал у наших бабаев, будучи молодым человеком... К сожалению, такого чувства или ауры сегодня уже не часто увидишь.

К огромному счастью, Болгар возрождается, но, с другой стороны, теряется его древний дух, который там присутствовал и сказочно манил. Мы тогда с бабаями посещали старинные развалины когда-то великого государства. А когда пришли к озеру Рабига, местный провожатый имам сказал, что это святое озеро, и наши бабаи начали выливать

из термосов весь свой чай и радостно черпали эту воду, хотя гуси и дети там плавали. Это мои юношеские воспоминания о Болгаре...

Позже я несколько раз был в хадже, в Умре, видел там паломников, очень похожих на наших бабаев — простых деревенских татар, которые прошли через испытания голодом, войной, коллективизацией, борьбы с религией. С приходом оттепели по отношению к вере, когда появилась возможность посетить древнюю столицу, татары со всех концов страны, в том числе и мы, стремились посетить Болгар и вознести там свои молитвы Всевышнему. Слезы радости на глазах, искренние молитвы, чаепитие у Малого минарета, коллективный намаз с видом на Волгу... Эти воспоминания нельзя передать словами — такое было просветление, вдохновение в Болгаре.

— Почему вы ездили в Болгар?

— Во-первых, по разным легендам, наши села имеют прямое отношение к нему. Наши аксакалы утверждали, что после того, как хромой Тимур пришел завоевывать Болгар, старец Шахимардан, спасая детей, стариков, женщин, переплыл через Волгу, дошел до опушки нашего леса и там основали село, которое раньше называлось Муслим. Издревле наши предки считали, что они потомки болгар. В шыгырданской традиции было принято туда ездить, делать жертвоприношение (шукрана курбаны). Я хочу пояснить: жертвоприношение — это благодарение Всевышнему за Его милость, оказываемую нам. Эти же наши дедушки помнят, как их матери и бабушки пешком ходили в советские и даже досоветские времена до Тетюш, километров 60, а потом переплывали на лодке и там несколько дней молились.

Помню очень интересные рассказы Нурании абыстай, ей было более 90 лет, когда она умерла, дочь имама, работала медиком, была блокадницей в Ленинграде, потом вернулась в Болгар. Она очень интересные истории рассказывала. После того, как в Болгар начало стекаться каждый год все больше и больше мусульман, специальные органы заволновались. Были некие указания главе района, чтобы это остановить. Глава им ответил, что если хотите — приезжайте сами и отгоняйте стариков и старушек, а я этого делать не буду. Все это было, все это мы прошли.

У некоторых чиновников были опасения, во что это потом может превратиться. Эти опасения абсолютно беспочвенные, потому что никто, кто туда приходит, не ставил какую-то политическую цель — восстановления болгарского государства. Верующие шли

с другой мотивацией. Это похоже на то, как стаи птиц весной прилетают обратно в те места, где гнездятся. Видимо, наши гены притягивают нас туда, и нам там хорошо.

И вот люди туда шли, шли, потом руководство Татарстана обратило внимание на это. А с приходом во всемирный конгресс татар Рината Закирова конгресс повернулся в сторону религии. Они умные люди и поняли, как два крыла у птицы, у татар исторически культура и религия неотрывно идут вместе, нельзя и невозможно их разделить.

«СОЗДАНИЕ БОЛГАРСКОЙ ИСЛАМСКОЙ АКАДЕМИИ — ЭПОХАЛЬНОЕ СОБЫТИЕ»

— Как вы участвуете в процессе создания Болгарской исламской академии?

— Создание Болгарской исламской академии я назвал бы главным эпохальным событием сегодня. Это очень важное решение поддержано главой государства Владимиром Владимировичем Путиным, он об этом не раз публично заявил. Сегодня уже получена лицензия министерства образования и науки России, и уже начались работы по строительству зданий академии в восточном стиле. Проект, я так понимаю, утвердили президент Татарстана Рустам Минниханов и руководитель фонда «Возрождение» Минтимер Шарипович Шаймиев, и другие коллеги поддержали его — муфтий Камиль хазрат Самигуллин, ректор Исламского института Рафик Мухаметшин. Мне кажется, проект очень удачный, выверенный и удобный для эксплуатации.

— Два-три мощных исламских вуза в стране есть — в Казани, в Москве. Но ректор РИИ Рафик Мухаметшин говорил, что у нас нет богословов (улемов), что мы в принципе не способны интерпретировать ни одну серьезную вещь, происходящую в мире. С этим связано создание академии?

— Я не совсем согласен с этой постановкой вопроса. Да, у нас есть вузы, есть достаточно образованные люди, но нет площадки, объединяющей их всех — вот что проблемно. Я хотел бы, воспользовавшись случаем, обратить внимание учредителей БИА на позитивный опыт медресе Мир-Араб в Бухаре. За много лет обучения оттуда не вышел ни один экстремист! И они смогли сохранить традиционную для пространства Евразии богословскую школу духовности, а не просто сухие знания.

Сегодня вы, наверное, тоже наблюдаете за стилем проповеди наших религиозных деятелей: кто-то пытается по заморским лекалам риторики воздействовать на прихожан. Видимо, есть какие-то приемы повышения голоса, которым их обучают. У татар это не принято: в нашем менталитете, когда на тебя накричат, люди просто не воспринимают. Если вспомнить наших старых имамов, как они владели искусством ведения проповеди — настолько это было уважительно, доходчиво, в то же время, где нужно было, жестко, но это было в меру. И вот в Средней Азии сегодня, например, в Узбекистане, слушаешь имамов, просто таешь от их проповеди — как красиво они тебе могут это передать.

Сейчас стало очень много артистов — около трех тысяч среди татар, говорят, и все поют, но очень мало людей, которые могут передать смысл, переживания, красоту песни, донести ее до твоей души. Я слушаю многих, но как, например, поет Альфия Авзалова, как она умеет передавать силу смысла слова — таких мало. Я думаю, это у нее от природы. Может быть, из моих уст это звучит странно, но тем не менее на такую особенность в академии тоже нужно обратить внимание, я имею в виду традиционный стиль риторики. Многие наши современные исламские религиозные деятели учились в Средней Азии, а у нас было единое богословское пространство, мы читали одни и те же книги. В других точках это сегодня утеряно, а в Средней Азии сохранили. Я думаю, коллективу ученого совета Болгарской исламской академии стоит обратить на это внимание и максимально использовать позитивный опыт.

— Кто ректором должен быть — из России или иностранец? Есть кандидатура?

— Есть у татар хорошая поговорка: «Чистую воду далеко не выплескивают». Россия очень большая, более 20 миллионов мусульман, я думаю, мы в силах найти человека в своей стране. Рядом пусть будет иностранец, пожалуйста. Есть молодые исламские ученые, у которых есть соответствующие знания. Я думаю, ректором должен стать гражданин России.

«УЧЕНЫХ С СОМНИТЕЛЬНОЙ РЕПУТАЦИЕЙ ПРИВЛЕКАТЬ НЕ НУЖНО»

— Сможет ли Болгарская исламская академия собрать достойных преподавателей, без которых учебное заведение не имеет смысла? (Ильнур Садыков)

— Спасибо за вопрос, вы очень важный аспект затронули. Во-первых, скажу, что в мире сегодня очень большая заинтересованность в работе с Россией. Один из мировых центров исламского богословия — Ирак — разбомбили, сожгли много бесценных книг, библиотеки, ученые оттуда убежали. В Сирии война, а в Дамаске всегда было много ученых. Мы год назад были в Сирии на конференции, посвященной Шейху Рамазан аль-Бути, там встречались с известными учеными, у которых целые династии алимов — все признанные исламские ученые. И очень сложно с ними полемизировать, потому что они — кладезь знаний. И они сегодня все заинтересованы в сотрудничестве.

Они готовы направить к нам своих преподавателей, которые будут приезжать сюда. Недавно делегация Совета по исламскому образованию под руководством Мухаметшина была в Египте. Встречались с шейхом Азхара, договорились о том, чтобы принимать ребят из России только по направлениям Совета, чтобы не было шакирдов, просиживающих по пять лет на одном курсе, фактически не посещающих уроки. Шейхи Азхара уже приняли внутренние установки по данному поводу и высказали желание направлять ученых из Египта в Болгар. И другие страны, например Марокко. Людей собрать можно, они заинтересованы в этом, приедут к нам.

Есть татарская поговорка: «Не умеющая лаять собака, привела ко двору волка». Ученых с сомнительной репутацией привлекать не нужно. Мы должны понимать, кого приглашаем. Тот человек, который берется за это, должен нести полную ответственность за своего кандидата. Мы должны это согласовывать. Я рекомендовал бы договориться с учебными заведениями Средней Азии, потому что их опыт нам тоже надо учитывать в нашей деятельности.

— У нас есть богословы, которые смогли бы сделать заключение, например, по поводу того, объявлять или не объявлять джихад? Есть такие в умме, к которым прислушались бы? Кто способен в России дать заключение?

— В России есть ученые, которые могут выносить богословские заключения. Но дело в том, что и религиозные деятели, и исламские ученые находятся в некой структурной ангажированности. Нет, к сожалению, единой площадки, где бы за одним круглым столом сели ученые разных направлений и выносили общие фетвы: Коран един, ислам един. И фетвы не могут расходиться по смыслу, они должны быть едины. Я помню ситуацию, когда собрались мусульманские религиозные деятели, чтобы издать единую фетву против экстремизма и терроризма. Вместо того, чтобы принять решение,

начались споры, кто и где должен сесть: кто в президиуме, кто рядом. Пора бы от этого уходить. Ушли те времена, и, возможно, ушли времена тех людей, которые так поступали.

Сегодня должны быть современные, образованные богословы, нацеленные совсем на другое: на позитив, на созидание. И совместно нужно выносить общее решение по тем или иным проблемам, которые у нас возникают. Например, вопрос по хиджабам. Такая была больная тема, мы же с ней разбирались. Я несколько раз выезжал в Поволжье. Школа говорит: «Хазрат, вот посмотрите на их вид, это как будто в Иране». Я общался и с чиновниками, и с нашими сестрами, но обижалась и та, и другая сторона. Знаете, в чем заключалась эта проблема? Им говорят, что государство в лице департамента образования идет на уступки, допуская длинные юбки, высокий ворот блузок, белый платок, закрывающий волосы. А девушки отвечают, что им это не подходит, якобы им какой-то шейх по телефону сказал, что платок надо завязывать прямо около глаз. Я еще удивился: у них в регионе несколько муфтиев, но они не придерживаются мнения своего муфтия, а берут фетву у какого-то иностранного шейха по телефону. Еще не понятно, что это за шейх и кто позвонил...

Что здесь делать? Где этот центр фетв? Приняли бы фетву и объяснили женщинам, что платок, покрывающий голову, — это обязательный для женщин атрибут одежды, который, кстати, является не только религиозным, но и национальным сегментом костюма татарской женщины. Указали бы порядок и требования такие...

<http://www.business-gazeta.ru/article/309609>